

A portrait of a woman with long dark hair and light-colored eyes, wearing a red tank top. She is looking directly at the camera. The background is a dark, out-of-focus city street at night with colorful bokeh lights from cars and buildings.

АННА ДАНИЛОВА

DA

ПРОСТИ МЕНЯ, ТВОЮ УБИЙЦУ

Психологический детектив

Анна Васильевна Данилова
Прости меня, твою убийцу
Серия «Эффект мотылька.
Детективы Анны Даниловой»

Текст предоставлен правообладателем
Прости меня, твою убийцу. [роман]: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-119624-0

Аннотация

Потеряв любимого, Вера утратила все, что ей было дорого: отчий дом, добрые отношения с сестрой, работу, друзей, интерес и вкус к жизни. Она будто тонет в темном колодце, выбраться из которого самостоятельно не может и не хочет, а протянуть ей руку некому...

Но когда к Вере обращаются за помощью, она не может отказать. Теперь ей придется вернуться в прошлое, чтобы расследовать убийство десятилетней давности.

Содержание

1. Январь 2009 г.	6
2. Сентябрь 2019 г.	9
3. Сентябрь 2019 г.	24
4. Январь 2009 г.	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Анна Данилова

Прости меня, твою убийцу

© Текст. А. Дубчак, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

АННА ДАНИЛОВА

ПРОСТИ МЕНЯ, ТВОЮ УБИЙЦУ

Москва
2021

1. Январь 2009 г.

Зимний лес синел прямо на глазах. Сумерки стремительно переходили в вечер, а над головами нависло уже почти черное, в звездах, ночное январское небо. Посреди поляны, зажатой высокими, в тяжелых снежных шубах, соснами, полыхал костер, над огнем висело ведро, в нем варился суп, аромат которого вызывал у всех участников пикника зверский аппетит.

Девушка в норковой шубке, в который уже раз черпая снег, пыталась смыть кровь с рук.

Подошедший сзади парень вдруг резко развернул ее к себе и, запрокинув ей голову, попытался поцеловать в губы.

– Да подожди ты, Ваня... Неудобно... Все же смотрят.

– Пусть смотрят, хотя сейчас нас, кстати, точно никто не видит. – От него пахло водкой и луком. Вязаная шерстяная шапка на его голове готова была свалиться с непослушных светлых кудрей. – Все же топор пошли искать... Но скажи – какая красота, а? Вера, ты хотела бы жить здесь?

– Где, в лесу?

– Нет, зачем в лесу? Ты же все понимаешь...

– Слушай, а где все? Неужели правда топор потеряли?

– Думаю, это просто предлог, чтобы оставить нас вдвоем, а Кабарданчик типа показывает им сейчас Большую Медведицу. У меня научился. Ты чего такая напуганная, боишься

чего?

— Мы сделали что-то очень нехорошее... Я до сих пор чувствую кровь на пальцах, она теплая, ее много... Мы же убийцы. Причем — все!

— В жизни всякое приходится делать. Просто забудь, и все. Сейчас ведро с супом сниму с огня, пусть дно остынет, потом погрузим все в машину и поедем. Поужинаем, отдохнем, может, в карты поиграем...

И вдруг они услышали крик. Кричала девушка из их компании — Таня. Вера вздрогнула. Иван, сделав предупреждающий знак, чтобы она оставалась на месте, бросился в темноту леса на крик. Совсем неподалеку от поляны, где стояла окаменевшая от страха Вера, в темноте между стволов и ветвей сосен вспыхнули огоньки зажигалок, потянуло сигаретным дымом, и она услышала встревоженные голоса своих друзей и всхлипывания девушек.

— Эй, где вы? Ваня, я иду к вам! — Вера побежала на огоньки и голоса.

Все окружили лежащую на снегу девушку. Этим вечером она отказалась пойти с их компанией в лес на пикник, сославшись на то, что у нее встреча. Никто не удивился. Наташа. Красавица.

Сейчас она была мертва и лежала в лесу в распахнутой мутоновой шубе и без шапки. Ее длинные, с медным отливом волосы были припорошены снегом.

Ваня, Кабарданчик, Леха, Таня, Надя, Вера – все стояли и смотрели на тело в каком-то ледяном оцепенении. Трезвели.

– Поехали к директору дома отдыха, – сказал Кабарданчик, высокий рыжий парень в белом овчинном тулупе, судорожно закуривая очередную сигарету. – А он уж пусть сам решает, кому звонить, в милицию там, в «Скорую»... Знаете, а ведь она еще теплая... Ну, не совсем, конечно... Короче, ее недавно убили.

– Блин, она даже мертвая красивая, – сказала Надя, маленькая пухлая девушка в красной куртке, кутаясь в длинный шерстяной платок.

– Дура ты, Надька! – огрызнулась Таня, розовощекая блондинка с распущенными волосами, прикрытыми пушистым белым беретом.

– Ну вот, весь отдых испорчен, – зачем-то сказала Вера и жестом попросила у Кабарданчика сигарету. – Ее убили. Вы же понимаете, ее убили! И убийца где-то рядом. Либо отдыхающий, либо кто-то из местных... Вот так взяли и убили. Молодую, красивую. За что?

– За красоту и убили, – сказала Надя. – Мужики не поделили. Сама-то она, мы-то знаем, никому не отказывала...

– Ну и дура же ты, непросветная! – повторила Таня с чувством, качая головой.

– Девчонки, поехали отсюда, Леха, бери ведро...

2. Сентябрь 2019 г.

– Привет, Гора. Не могу не поговорить с тобой, потому что решилась на последний шаг – продаю нашу Мону Лизу. Что поделать? Моя сестра, ты знаешь, презирает меня, считает, что раз я сама загнала себя в эту черную дыру, то мне из нее и выкарабкиваться. Вот я и пытаюсь. Предполагаю, что тебя уже нет в живых, все-таки прошло целых три года, как ты пропал. Да-да, именно сегодня ровно три года, как ты ушел за сигаретами и не вернулся. Про таких, как ты, так и говорят: ушел и не вернулся. Но я не в претензии, ты же предупреждал меня, что если ты вовремя не отдашь долг, то тебя... того... Возможно, ты перепутал даты и опоздал на сутки или всего на несколько часов, я не знаю. Но раз тебя нет, ты не принес мне сигарет, значит, не смог. Вот почему я не в претензии. Хотя моя сестра Саша считает, что я должна тебя ненавидеть, ведь для того, чтобы ты расплатился со своими долгами, мне пришлось продать квартиру и вообще отдать тебе все, что у меня было. В том числе и сердце.

Ладно, милый, раз уж так все сложилось и ты сейчас где-то на облаке, сидишь, смотришь на меня сверху и улыбаешься, я скажу тебе: я не сержусь, не злюсь. Больше того, я даже рада, что сделала хоть что-то для сохранения твоей жизни. Ты только представь себе, что было бы, если бы я вообще ничего не предприняла и тебя пристрелили где-нибудь в ле-

су... Уж не знаю почему, но когда я думаю о том, что с тобой стало, то представляю себе сразу лес, могилу, прикрытую еловыми ветками... Думаю, это потому, что пересмотрела кучу сериалов про бандитов. Там всех пристреливают в лесу. А что еще мне было делать, когда ты пропал? Я вообще не знала, как мне жить, как относиться к людям. Сашка говорит, что ты меня использовал и я сама во всем виновата, на моем лбу просто горит: используй меня по полной. Вот почему я с тех пор не подпускаю к себе никого. Хотя что теперь-то с меня взять? Ни квартиры, ни денег, да и работаю на дому, маникюрю... С финансовой точки зрения я мужчинам теперь неинтересна, если их что и может привлекать во мне, так это фигура Джулии Робертс, особенно мои длинные ноги. А вернуться в нашу с Сашкой фирму я не хочу и не могу. Настроение не то. Ты скажешь, что мне под тридцать и я неплохо сохранилась, меня еще рано списывать на берег, мужчины могут меня желать. Пусть так, да только я их не желаю. И самый большой кайф для меня сейчас – это сон. Нароботаюсь, выпью молока с булкой и завалюсь в постель. Вот это кайф. Телевизор работает как фон, звуки проникают в мозг, создаются какие-то образы, которые растворяются в моих снах...

В телефоне уже давно шли тихие короткие гудки, а Вера Тихая все продолжала наговаривать на уже давно отключившийся автоответчик своего умершего друга, Егора Еро-

хина, человека, который, по словам ее сестры, сломал ей всю жизнь.

Вера снимала комнату в коммуналке, отказываясь от помощи сестры, зарабатывала на жизнь, делая маникюр на дому, и большую часть денег тратила на цветы.

– Ты дура, Верка, зачем покупаешь цветы, если у меня в саду их просто море?! Думаешь, такая принципиальная? Повторяю, ты просто дура. Вот и все.

Сашка была младше Веры на два года, у нее имелась семья, муж Валера и сын Даня. Кроме того, они вместе с мужем успешно продолжали оставшееся от отца (погибшего в автокатастрофе незадолго до появления Горы в жизни Веры) семейное дело – сдавали в аренду крупную строительную технику, торговые площади. После того как Вера продала свою квартиру ради спасения Егора, сестры поссорились. Вера медленно, но верно шла «ко дну» (выражение успешной Саши), но помощь сестры, которая очень скоро после ссоры успокоилась и даже попыталась опекать заблудившуюся сестру, не принимала. Сидела на гречке и кефире, плакала по ночам, уткнувшись в подушку, но потом, «собрав себя в кучку», выучилась на маникюршу. Купила для этого самые необходимые инструменты, продав мамину старинную фарфоровую вазу с птичками на «Авито», да и начала новую жизнь.

Цветы, роскошные букеты, которые Вера заказывала, вдохновляли ее и просто помогали выжить. Глядя на цветы,

она воспринимала их как творение божье и всякий раз говорила себе: раз Бог создал такое великолепие, то почему я не могу просто найти в себе силы жить, дышать? Сломанная, обманутая, разочарованная, слабая, она питалась этой цветочной красотой, медленно восстанавливалась, возвращаясь к жизни. Сашка же считала траты на цветы признаком шизофрении.

«Поговорив» с Егором, Вера вернулась к ноутбуку, ее интересовала цена на черепах. Ее любимая черепаха Мона Лиза, которую ей подарил в свое время Гора, считалась сухопутной и могла стоять примерно две с половиной тысячи рублей. Маловато за любимую животинку. К тому же Гора как-то сказал, что черепаха непростая, но вот какая именно, Вера не запомнила. А потому взяла телефон и отправилась к аквариуму, где спала Мона Лиза. Сфотографировала любимицу, потом вбила фотку в гугл и вдруг обнаружила, что черепаха ее на самом деле не простая, а угольная, красноногая и стоит (она быстро проверила по двум зоосайтам) двадцать тысяч!

Этих денег, если добавить к накопленным заработанным, хватило бы заплатить за квартиру, коммуналку, и еще бы осталось. Да вот только надо же заниматься этим, разместить объявления с фото...

Вера взяла в руки Мону Лизу и вдруг, ни с того ни с сего, разрыдалась. Принялась гладить черепаху, шептать ей слова нежности, а после и вовсе просить прощения. И как это ей

вообще в голову пришло продать Мону Лизу, подарок Горы, свою подружку, питомицу? Совсем ты с ума сошла, Вера...

Телефон издал смешной звук детского чиха – так звучат оповещения сообщений. И тут же последовал звонок с неизвестного ей номера. Снова предложение кабального кредита или заманчивое для растяп приглашение на бесплатную юридическую консультацию?

Она непроизвольно поморщилась, готовясь уже послать подальше навязчивых товарищей-мошенников, как вдруг услышала приятный мужской голос, задавший ей такой странный вопрос, что Вера даже растерялась. Огромный временной пласт ледяной глыбой отвалился от настоящего времени, закинув ее моментально в заснеженный лес...

– Вы отдыхали в доме отдыха «Отрада» десять лет тому назад? – спросил мужской голос.

Ничего себе вопрос!

– Ну, отдыхала, и что?

– Да нет, ничего, просто зашел на сайт этого дома отдыха, увидел ваш отзыв, причем довольно благоприятный, там ссылка на ваш фейсбук, ну вот и написал вам, а потом и позвонил по мессенджеру. Вы извините, если отвлек вас. Вы же Вера Тихая?

– Уж не такая и тихая, ну да ладно... – Она произнесла это машинально. Привыкла, когда проезжались по ее фамилии, научилась парировать. – И что хотели узнать?

– Да ничего особенного... Вы простите меня еще раз, что

побеспокоил.

– Там хорошо, – зачем-то сказала она, и эта фраза прозвучала по-идиотски мечтательно и совсем некстати. – Тихо и спокойно. И сметану давали стаканами.

Вот зачем она сказала про сметану? Как будто это так важно. Просто это было первое, что она вспомнила почему-то: теплые плюшки с посыпкой и стакан густой сметаны на полдник.

– Я люблю сметану, – сказал мужчина. – Спасибо вам. Всего хорошего.

– И вам не хворать.

В дверь позвонили. Кого еще принесло? Вера нехотя поплелась к двери. На сегодня у нее была запись лишь на восемь вечера. Клиентки без предварительного звонка не приходят, знают, она этого не любит. Удивительно, как они ее вообще терпят, такую нервную, злую, резкую. Может, она дешево с них берет за маникюр, поэтому ей все прощают?

Вера заглянула в глазок. Этого еще только не хватало! Сашка! Уставилась своими огромными голубыми глазищами, того и гляди стекло расплавит взглядом.

– Чего приперлась? Кто тебе дверь внизу открыл?

В квартире помимо Веры в двух комнатах жила семья с маленькими детьми, сейчас, в сентябре, они отдыхали в Крыму, поэтому она могла вести себя свободно, разговаривать так, как ей хочется, не боясь, что ее услышат.

– Открывай! – возмутились за дверью. – Что ты как маленькая, Верка?!

Конечно, она открыла. И была просто потрясена, когда увидела в руках сестры большущий букет львиного зева. Это были ее любимые цветы. Разноцветные, бархатистые.

– Всю клумбу свою небось оборвала, – проворчала она, принимая, однако, цветы. И вдруг обратила внимание, что букет-то обернут в коричневую крафтовую бумагу. И ленточка зеленая, кудрявая, обвивает понизу бумажную основу букета.

– Ты что, мать, сбрендилa? С каких это пор ты свои садовые цветы упаковываешь как в дешевом цветочном магазине?

– Я не упаковывала. Букет лежал на коврикe перед дверью... – Саша в розовом льняном платье, обдав Веру запахом духов, деловито, уверенно, как к себе домой, прошла в комнату сестры. В руках ее была большущая пластиковая сумка, из которой торчали рыбий хвост и стрелы зеленого лука.

Саша была тщательно накрашена, светлые, подрезанные чуть пониже мочек ушей волосы выглядели растрепанными, но Вера-то знала, сколько в салоне, где часами пропадает ее сестра, стоят эта роскошная сверкающая растрепанность и объем. Бледно-розовая помада подчеркивала матовость нежной кожи, едва заметный румянец. Красивая, сволочь!

– И я тебя тоже люблю, – ответила ей, словно прочтя ее мысли, Саша. – Вот пришла тебя немного подкормить. Соседушку твою по лестничной клетке недавно встретила в городе, она сказала, что ты похудела, выглядишь неважно.

– Можно подумать, она хорошо выглядит, выдра старая! – возмутилась Вера, наблюдая за тем, как сестра выкладывает из сумки на стол продукты. И чего только не накупила! Весь «Седьмой континент» привезла! Баночки, коробочки, пакетики...

– Вот! – торжественно объявила Саша, ставя пустую сумку на пол, и вдруг, повернувшись, бросилась к Вере и крепко обняла ее. – Я соскучилась...

Она завывала и поскуливала, уткнувшись ей в плечо. Может, и правда соскучилась.

– Я тоже. – Вера, сама не ожидая от себя такого наплыва чувств, крепко чмокнула сестру в напудренную щеку. – Спасибо тебе!

Поплакав, Саша отпрянула от Веры и огляделась. Небольшая комната с убогой обстановкой, выщербленным паркетом под ногами, но новыми пластиковыми, отлично промытыми окнами с прозрачными беленькими занавесками вызвала в ней, привыкшей к другим условиям жизни, приступ уныния и какой-то безысходности.

– Вер, ну давай мы купим тебе квартиру. Пожалуйста. Знаешь, я стала плохо спать, почти ничего не ем, вот только на свекольник подседа да на вареники с вишней... Так вот,

я постоянно думаю о тебе, о том, что ты снимаешь эту ужасную комнату, покупаешь, как ненормальная, дорогие цветы и, что самое кошмарное, стрижешь кому-то ногти, занимаешься грязной и унижительной работой, и это в то время, как наши родители оставили нам свой бизнес, у тебя есть деньги... И ты прекрасно знаешь, что у тебя на счету кругленькая сумма, которая постоянно пополняется, Валера четко высылает тебе твои проценты от прибыли. Но ты же не прикасаешься к ним!

– Ладно, когда-нибудь прикоснусь, – смягчилась, расслапившись, Вера.

– Да ты что?! – И Саша радостно захлопала в свои маленькие детские ладошки. Она вообще внешне была какая-то девочка-девочка, нежная, восторженная и одновременно настоящая экономическая зверюга, монстр, глава семьи, к чьему мнению прислушивались все, начиная с мужа и заканчивая уборщицей на их строительной базе. – А квартиру тебе купим? Я уже присмотрела!

– Купим, – согласилась Вера, сама не понимая, как это она так быстро растаяла. Словно кто-то, сидящий в ее голове, страшно пожелал комфорта и достатка. Икры, что ли, организм захотел?

– Уф, ну прямо гора с плеч! Боже мой, Верочка, как же я рада! Наконец-то я успокоюсь!

Саша даже перекрестилась.

– Ну все, теперь твоя жизнь изменится, – защебетала

она радостно в каком-то сладком мечтательном порыве. – Вот увидишь! Уж теперь-то я не позволю тебе пустить свою жизнь под откос, сама проконтролирую каждый твой поступок! И ты увидишь, какими красками, радостными и счастливыми, заиграет твоя новая жизнь! Вернешься в компанию, станешь хорошо зарабатывать, ну а жениха мы тебе подберем, вот увидишь! Но и ты должна будешь поработать над собой. Сделаем тебе стрижку, знаешь, такую модную, стильную... – Саша даже встала и полными изящества и вдохновения пассажами над головой показала, какой должна быть эта стрижка. – Юбки будешь носить, туфельки на каблук, а не кроссовки да штаны с майками и свитерами, как сейчас... Мы поедем с тобой в Москву, в Охотный Ряд, накупим тебе красивой одежды, я сама прослежу, чтобы выбрать все самое лучшее и нарядное, займемся вопросом косметики. Мы с Валерой тебя подучим, как вести себя на людях, а то ты, я смотрю, совсем одичала. Уф... Прямо голова закружилась, когда я представила, что все это теперь реально и ты заживешь с нами как нормальный человек и прекратишь уже убиваться по своему уроду!

Последнее слово прозвучало как выстрел в голову. Вера медленно подняла голову, и взгляды сестер встретились. Саша, еще не понимая, что происходит, но испугавшись, что сказала что-то лишнее, сразу присела на диван и даже успела вжать голову в плечи, прежде чем услышала:

– А ну-ка, убирайся отсюда! Вон! Быстро!

Лицо Веры побелело, она сжала кулаки. Казалось, еще немного – и она набросится на сразу же уменьшившуюся в размерах Сашу.

– Оглохла? Вон, говорю!

Саша резко и неловко поднялась, подвернув ногу, и, поморщившись от боли, прихрамывая, доковыляла до двери, ведущей в переднюю, а потом, словно забыв о больной ноге, стремглав бросилась к выходу. Чувство обиды настолько захлестнуло ее, что она даже и слов-то не успела подобрать, чтобы выразить все свои чувства. «Тварь неблагодарная» – так позже она отзовется о сестре, когда, захлебываясь в эмоциях, будет пересказывать свой разговор с Верой мужу. Она была так ошеломлена реакцией сестры на ее желание помочь ей наладить свою жизнь, что вообще подумала, что у той поехала крыша. Что такого она ей сказала? Что не так? Юбки, туфли, косметика, стрижка... Стрижка? Может, Веру обидело, что Саша посоветовала ей постричься? Копна густейших рыжих волос Веры, которыми все восторгались, всегда казалась Саше какой-то вульгарной. Волос было, по ее мнению, слишком много. А вот стрижка освежила бы ее, сделала бы ее более аккуратной и стильной. Шея бы тонкая, девичья, открылась...

Словом, путаясь в своих сомнениях и не понимая причины скандала, она выбежала из подъезда, села в машину и, открыв ящик для перчаток, судорожно принялась искать пачку сигарет, которые всегда там держала вот для таких волни-

тельных случаев. Оставив дверцу приоткрытой, она щелкнула зажигалкой и закурила. Боже, какое же это наслаждение – выкурить после такого маленькую спасительную сигаретку!

– Вот сука! – Вера захлопнула за сестрой дверь, жалея, что не прищемила ее, не причинила боль.

Но что такое физическая боль по сравнению с душевной? Как она могла, как только у нее язык повернулся назвать Гору уродом? И вообще, с чего она взяла, что, согласившись принять квартиру и прочее, Вера позволит кому-то руководить своей жизнью, решать, как ей причесываться, что надевать, с кем знакомиться и даже за кого выходить замуж? Неужели после долгого периода холодной войны Саша не поняла, что с Верой так нельзя?! Что Вера – человек, превыше всего ценящий свободу! И что даже если она и совершает ошибки, то сама решает, как их исправлять и какие делать выводы. А про Гору это она напрасно. Этого Вера ей никогда не простит. Это поначалу, когда он просто исчез, сестра еще могла позволить себе резкие высказывания в его адрес, никто же не знал, как долго он будет отсутствовать. А он умер, погиб, его нет. Ясно же, что его нет в живых, как она могла?

Попытаться взглянуть на свое положение со стороны не получалось. Вернее, Вера понимала, что живет неправильно, в ее жизни на самом деле произошел сбой, и это ненормально – отказываться пользоваться деньгами, которые ей регулярно переводит зять (доходы от семейного бизнеса). Непра-

вильно, что она отказывается купить квартиру с помощью сестры, одевается как попало, тратит все заработанное на дорогие цветы. Внутри нее обозначились странные, болезненные принципы, ограничения, которые она не могла преодолеть, и в какие-то минуты ей казалось, что она вообще сходит с ума. Это ее состояние связано было, конечно, с уходом Горы. Да, он ушел, но она-то осталась. И надо продолжать жить. Надо научиться задира́ть голову к небу, чтобы видеть проплывающие облака, наслаждаться всем тем, что дает природа, позволять себе хотя бы иногда прогулки если не по лесу, то по парку. Полежать на солнышке где-нибудь на полянке, подставив лицо теплым лучам. Подышать запахом трав и цветов. Увидеть красоту там, где она есть, хотя кажется, что весь мир померк...

Вера, что с тобой?

Она стояла перед зеркалом и смотрела на свое отражение. Как жить дальше? Как примириться со смертью любимого человека? Как научиться жить, когда потерял ее вкус? Как избавиться от презрения к собственной сестре? Как научиться понимать ее? Нет-нет, с Сашкой у нее все равно ничего не получится. Ладно, она критикует ее, Веру, но она обозвала Горю. Посмела. Неужели не понимала, что этим просто убивает Веру?

Она машинально уложила на стол букет, развернула, освободив от коричневой хрустящей бумаги, срезала ленточку.

Вот они, невозможно хрупкие и бархатистые цветочки нежно-розового оттенка, лимонного, темно-бордового с бледно-зелеными стеблями, целый букетище! Саша сказала, что нашла его на пороге ее квартиры. Так, стоп. На пороге Сашиной квартиры или Вериной? Звонить, чтобы выяснить это, она не будет. Но тогда получается, что либо это у Саши появился поклонник, который оставил у нее под дверью букет, либо...

Но Саша сейчас живет за городом, в доме, и туда так просто не пройдешь. Хотя, кто знает, где она проводит большую часть времени, может, и в городской квартире. Она давно уже живет на два дома. Да и кто бы это мог так открыто приударять за ней? Нет-нет, это невозможно. Она замужем, и если бы в ее жизни появился воздыхатель, то она прямо с порога начала бы рассказывать о нем, причем, скорее всего, как о проблеме. А проблем она не любит. К тому же, вручая Вере букет, Саша была спокойна, она сказала примерно так: «Я не упаковывала. Букет лежал на коврике перед дверью...» Ну да! Очевидно же, что она нашла букет здесь, на пороге Вериной квартиры. Тогда почему же Вера начала сомневаться в этом? Быть может, потому все-таки, что последний букет ей дарил Гора, и это было в другой жизни, три года тому назад. И вообще, если разобраться, то никому из двух сестер никто не мог подарить цветы. Каждой по своей причине.

Вера поставила букет в вазу, и тотчас раздался звонок.
– Слушаю.

– Вера, вам понравились цветы?

Это был все тот же мужской голос, который расспрашивал ее про дом отдыха.

– Это вы прислали цветы? Вернее, положили на порог моей квартиры?

– Да. Вы удивлены?

– Как вы узнали мой адрес?

– Узнал вот.

– Что вам от меня нужно?

– Просто познакомиться.

– Но вы же меня никогда не видели?

– В соцсетях есть ваши фотографии.

– Они старые. Я давно ничего не выкладываю. Не звоните мне больше. Мне никто не нужен. – И она отключила телефон.

3. Сентябрь 2019 г.

Мужчину звали Николаем. Он оказался настойчивым, звонил по несколько раз в день, писал сообщения, просил о встрече. Высылал свои снимки. Красивый блондин с карими глазами. И голос приятный. Может, права Сашка, у Веры поехала крыша, раз она не хочет жить так, как все, то есть просто радоваться жизни?

– Гора, как ты на это смотришь? Тебя же все равно нет, а я совсем одна. С Сашкой вот поссорилась. Может, мне на самом деле встретиться с этим мужчиной? Смотри, вон как ухаживает, добивается встречи. Цветы мои любимые подарил. Львиный зев, ты знаешь. Смеешься... Думаешь, я не понимаю, откуда он про это узнал? Да из фейсбука. Я сама выкладывала там фото львиного зева и писала, что это мои любимые цветы. Сейчас из соцсетей можно узнать о человеке все что угодно. Молчишь? Может, тебе стало стыдно, что ты бросил меня? Или, наоборот, смеешься, что я не могу никак после того, как тебя не стало, восстановиться? Что вместо того, чтобы работать в компании своего отца, я вычищаю грязь из-под ногтей своих клиенток? Гора, скажи, что со мной не так? Откуда эта вселенская лень и нежелание порадовать себя хоть чем-то?

Парня этого зовут Николай. Я, пожалуй, встречусь с ним. Посидим где-нибудь в кафе, поговорим. Не думаю, что это

маньяк какой. Хотя... Ладно, не буду грузить тебя своими страхами и сомнениями. Не все убийцы и маньяки. Просто поговорим, узнаю, чего ему от меня надо. К тому же не факт, что разговор этот состоится. На старых фотографиях я очень даже ничего, у меня там глаза горят, я там в любви, и солнце золотит мою кожу, ты помнишь Испанию, наши прогулки? Пляжи? Сейчас я бледная, даже румянца нет, придется на-румяниться и подкраситься. Но оденусь я так, как обычно в последние три года. Джинсы, майка, легкая куртка.

Ладно, Гора, мне пора. Я тебе потом позвоню.

Черный автомобиль, сверкающий, большой, был припаркован к самому крыльцу. Соседка тетя Настя, проживающая на первом этаже, даже окно открыла и высунулась, чтобы увидеть, к кому это приехали на таком роскошном авто, кто выйдет или, наоборот, сядет в него. Увидев Веру, вытаращила глаза и с трудом сдержалась, чтобы не спросить, кто это за ней приехал.

– Здравсте, – поздоровалась с ней Вера, спускаясь с крыльца и уверенно усаживаясь в машину на переднее пассажирское сиденье. Краем глаза она успела увидеть, что внешность водителя, ее ухажора, полностью соответствует его фотографиям. Блондин, красавчик. Лет тридцати.

– Салют, – сказала она, боясь повернуться в сторону Николая. Словно шею свело.

– Привет. Рад, что ты согласилась встретиться со мной.

И голос соответствовал голосу в телефоне.

– Скажите сразу, что вам от меня нужно. – Она все-таки заставила себя повернуться к нему, он тоже бросил на нее быстрый взгляд. Успел даже улыбнуться.

– Вы просто понравились мне, вот и все.

– Зашли в фейсбук, увидели среди миллиона женских портретов мой и решили познакомиться, так? Вы серьезно думаете, что я поверю вам?

– Хорошо, я отвечу честно. Все началось с вашего отзыва на страничке «Отрады».

– А что в нем такого? Просто написала, что мне там понравилось, вот и все.

– Вы написали, что отдыхали там десять лет тому назад, в январе 2009 года, что там было, сейчас... – он задумался, выезжая из арки на шоссе, – ...«тепло, уютно и... тихо и спокойно. И сметану давали стаканами». Это цитаты!

– Неправда. Про сметану я сказала вам в телефонном разговоре. Да и что вы пристали к этому дому отдыха?

– Я хочу, чтобы вы рассказали, каким был этот дом отдыха десять лет тому назад, что привлекало в нем отдыхающих, о каком уюте идет речь, ведь эта «Отрада» напрочь лишена всех основных благ цивилизации, там даже душа нет в номерах! Старые деревянные кровати, вытертые ковры, допотопные самовары в холлах...

– Гм... Понятно. А я-то думала, что вы клеите меня. Ладно, расскажу вам все, что помню. Только при условии, что

и вы тоже объясните, зачем вам все это нужно.

— Я хочу купить его и сделать чисто внешне «советским», понимаете?

— Хорошая задумка. Тем более что там почти все так и выглядит. Надо только отремонтировать.

Ну вот, собственно говоря, и все. Наконец-то она поняла, что он заинтересовался вовсе и не ею как женщиной, а домом отдыха. Только это открытие не принесло ей облегчения. С одной стороны, ей незачем было теперь переживать по поводу возможных изменений в личной жизни, с другой — такой поворот ее разочаровал, вызвал какое-то неприятное чувство. Что же это получается? Значит, ей не все равно, нравится она мужчинам или нет? Что ж, зато она узнала — нет, не нравится. Да и что в ней хорошего? Она снова подумала о ногах. Ее длинные и стройные ноги всегда привлекали внимание мужчин. Но тогда, когда к ней реально клеились парни, она и сама была полна жизни, кровь бурлила в ней, глаза блестели, губы горели, ей хотелось любви, поцелуев, объятий...

Внезапно она почувствовала, как слезы заструились по ее щекам. Совершенно неожиданно, непроизвольно. Такое с ней теперь случалось. Что поделать, если она нездорова? Да, это один из показателей ее болезни, затянувшегося невроза. Хорошо, что она еще осознает это. Вот когда перестанет осознавать, тогда все, кранты.

Еще сидя рядом с мужчиной, который откровенно рассказал ей, зачем навязывался со своим знакомством, она вдруг подумала, что эта встреча случилась совсем некстати. Как будто больному человеку дали выпить отравленный чай. Словно кто-то там, наверху, решил добить ее или (во что верилось с трудом) испытать на прочность.

Дом отдыха «Отрадное». Она все эти годы пыталась избавиться от тягостных воспоминаний, кошмарных снов, преследовавших ее после тех событий, свидетельницей которых она явилась. Целых десять лет любое однокоренное слово – «отрада», «отрадный», «безотрадный» – воспринималось ею, как болезненный укол в живую мякоть памяти. Перед глазами мгновенно возникала картинка – труп Наташи на снегу...

После ухода Горы она внимала разным блогерам – психологам и психотерапевтам и, наслушавшись до тошноты их советов по разным жизненным ситуациям, подчас действительно находила что-то полезное для себя. К примеру, после одного такого бесплатного сеанса популярной блогерши-психиатра она решила окончательно избавиться от воспоминаний, связанных с убийством Наташи и всем тем, что ей пришлось испытать и сделать. Взяла и разыскала официальный сайт дома отдыха «Отрада» и, заставив себя с помощью многочисленных снимков побродить по знакомым местам и все вспомнить, но уже с каким-то более здоровым, во всяком случае нейтральным, чувством, оставила там ком-

ментарий! Да, она так и написала, что там все классно, уютно, тепло и так далее. Она написала (по совету психиатра), *что ей там было хорошо.*

Но разве могла она предположить, что написанные ею фразы заинтересуют человека, который решил прикупить эти совдеповские мрачноватые корпуса? Хотя... Там же присутствовали и другие отзывы, кто-то был недоволен уровнем обслуживания, а кому-то, наоборот, нравилось оказаться в своем советском прошлом и поесть от души плюшек со сметаной... Почему он позвонил именно ей?

– Скажите, вы другим, ну, тем, кто писал отзывы, комментарии, тоже звонили? Посылали цветы?

– Нет, – удивился Николай.

– Вы, может, не поняли вопроса: почему вы позвонили именно мне?

– Да просто так. Взял и позвонил. Услышал молодой приятный женский голос и еще раз позвонил.

– Но как адрес мой узнали?

– Узнал. – Он повторил в точности тем же загадочным тоном, что и прежде, когда она задавала ему этот же вопрос. И, не давая ей возможности вставить слово, добавил: – Увидел вас, восхитился вами и подумал, что мне повезло.

– В каком смысле?

– Вы молодая, красивая и ужасно обаятельная.

– А цветы зачем прислали?

– Чтоб расположить вас к себе! – Он широко улыбнулся.

ся. И эта светлая, радостная улыбка заставила Веру немного расслабиться. Ну не может быть у упыря или мошенника такой улыбки. Упырь – она и сама не могла объяснить себе, откуда взялось это страшноватое слово. Но подсознание, вероятно, выдало его, чтобы подтвердилось, что мужчин она все-таки побаивалась и не доверяла им. И теперь неизвестно, когда она сможет воспринимать их иначе, как существ опасных и непредсказуемых, причем в самом плохом смысле этого слова.

Они приехали на набережную, где за каменным парапетом веранды летнего кафе переливалась слепящими бликами залитая светом вода, слева вдаль в солнечной дымке тонул перекинутый на другую сторону Волги кружевной трехкилометровый мост. Легкий ветерок колыхал прозрачную занавеску веранды, крупные чайки кружили над водой, издавая громкие гортанные крики, похожие на человеческие стоны. Официантка принесла запотевшие ледяные бокалы с разноцветными коктейлями. Николай пристально и как-то даже ласково смотрел на Веру, словно собираясь с мыслями. Должно быть, он не знал, о чем с ней говорить, или просто не решался.

– Вы на самом деле поверили мне, что я собираюсь купить эту рухлядь? – неожиданно спросил он, и лицо его при этом стало каким-то другим, а взгляд тревожным.

– В смысле? – Эту фразу, как правило, произносят тогда, когда не могут воспринять услышанное и голова на какое-то

время становится пустой и легкой. Что на этот раз он собирается ей сказать? Какое открытие произойдет сейчас? В животе у Веры стало тоже как-то легко и холодно. Нервный озноб сковал плечи. И вдруг острая как игла мысль заставила ее сердце вообще остановиться: а что, если он принес ей весточку от Горы? – Говорите! Чего вы так на меня смотрите? Ну?! Я готова!

За несколько минут она была уже близка к истерике, разве так можно? Надо немедленно взять себя в руки!

– Вот только не надо говорить мне, что он жив. Если бы это было так, он точно дал бы о себе знать. Я знаю его. Быть может, у нас в последнее время было не все так гладко, но он никогда не поступил бы со мной так, он мог кому-то показаться черствым и бессердечным, но был человеком душевным. Повторяю, он не смог бы заставить меня страдать. И не надо рассказывать мне сказки про то, что он потерял память и все такое. У него на спине, да будет вам известно, есть татуировка с номером телефона одного человека, и если бы Гора потерял память, то мне бы сообщили. Поэтому, прежде чем вы начнете говорить о нем, подумайте хорошенько, стоит ли это делать. Разве что речь пойдет о том, как он погиб, при каких обстоятельствах и где похоронен.

Какую же чушь она несла!!!

– Татуировка на спине с номером телефона? Чем же он занимался, раз набил себе номер?

Веру словно окатили ледяной водой. Вариантов объясне-

ния такого поведения Николая было два: либо он не знал ничего про Гору и она ошиблась, предполагая, что он появился в ее жизни именно из-за него, либо он просто морочит ей голову, пытаясь узнать что-то про Егора, который, к примеру, задолжал ему. Выдуманная на ходу история с номером телефона на спине удивила даже ее саму! И как только родилась эта мысль? От отчаяния? Ей захотелось узнать, знакомы ли они – Николай и Егор? Знал ли Николай о существовании этой более чем странной татуировки? И какой нормальный мужик, тем более занимающийся опасными делами, набьет себе номер телефона человека, подставляя его так грубо, делая его жертвой?

– Что вам нужно от меня? – Слезы снова катились по щекам, касались губ, и тогда она машинально слизывала их языком.

– Хорошо, я все расскажу, и вы сейчас поймете, почему я позвонил именно вам. Только не обижайтесь. Перед тем как рассказать вам правду, я признаюсь, что, едва увидев вас, на время вообще забыл, зачем искал, вышел на вас... Вы чрезвычайно привлекательная девушка, это честно. И при других обстоятельствах я бы просто влюбился в вас.

Она подняла на него глаза, солнце слепило ее, и она зажмурилась. Разговор не получался, она уже устала догадываться, что происходит и откуда берется столько вопросов, сплошные загадки! Вот зачем он пытается успокоить ее, плетет что-то о возможной влюбленности? Да она и сама о себе

все знает. Помня советы психологов, что в разговоре, если ты хочешь больше узнать о собеседнике или получить максимум информации, надо научиться держать паузу, давая тем самым выговориться человеку, Вера замолчала. Повернула голову, разглядывая опустившуюся на парапет чайку. Ветерок взъерошил светлые перышки на ее головке. Хорошо птицам, летят куда хотят!

– Вы написали, что были в «Отраде» десять лет тому назад в январе. Это была ключевая фраза. Самая важная. И когда я увидел ваш комментарий, я просто глазам своим не поверил!

Она и на этот раз промолчала, хотя этой фразе сложно было не удивиться.

– Как раз тогда, в январе, в «Отраде» пропала моя сестра. Отправилась туда отдохнуть, ей на работе дали путевку, и не вернулась.

От услышанного Веру реально затошнило, словно она вдохнула в себя яд.

История, которую она пыталась забыть, догнала ее спустя десять лет и накрыла с головой.

Наташа. Он говорит об убитой Наташе. Это она не вернулась домой.

– Но... десять лет же прошло... – наконец не выдержала она. Чего это вдруг он вспомнил о сестре спустя такое время? Раньше-то где был?

– Понимаю ваш вопрос. Но все дело в том, что я буквально пару месяцев тому назад разыскал ее. Мы оба из детдома, нас разлучили, и мне стоило немалых усилий выяснить, куда именно ее перевели, в какой семье она воспитывалась и так далее. Ее забирали дважды, она воспитывалась в двух семьях, и оба раза ее возвращали обратно. Школу она окончила в интернате, здесь, в нашем городе, потом училась в педучилище, работала в детском саду, и там же ей дали эту злосчастную путевку в «Отраду». И она не вернулась.

– А фотография ее у вас есть?

– Да, конечно, даже несколько. Правда, все какие-то неудачные, групповые, оставшиеся у ее коллег по детскому саду. А вот личных фотографий, как и вещей, мне найти не удалось. После ее исчезновения квартиру, которую она получила после интерната, передали другому человеку. От Та-си ничего не осталось.

Вера не могла себе объяснить, почему не верит ни единому слову Николая. Прозвучала какая-то горьковато-при-торная история о разлученных сиротках. Или же Вера так цинична и далека от этой темы, что она воспринимается ею как выдуманная, почти киношная? Но ведь сироты – не только плод воображения сценаристов или писателей, интерна-тов полно, и та жизнь брошенных детей, что протекает за их стенами, не вымысел, они реально страдают без родителей. И почему это она не верит Николаю? Насмотрелась душещи-

пательных телевизионных шоу? Ей стало стыдно.

Она рассматривала три групповых снимка, где на фоне нарядной по случаю новогоднего праздника детсадовской радостной детворы улыбались в камеру две воспитательницы, симпатичные девушки – рыжая и блондинка. Шатенка в костюме Снегурочки была загромождена грубо и ярко, как это делают актрисы, чтобы их можно было разглядеть изда- лека. И Николай указал именно на нее.

– Но здесь же лица не видно... И все три снимка сделаны в один и тот же день. Везде она в костюме, лицо размазано... Трудно кого-либо узнать.

Она лукавила, потому что узнала Наташу. По огненным волосам и росту. Или же просто увидела в рыжей Снегурке ту, о ком думала все эти десять лет: девушку, которая погиб- ла из-за нее, из-за Веры! И надо же было такому случиться, что судьба свела ее с родным братом Наташи! Так, стоп. Ры- жие волосы. Да девушки постоянно красят волосы, экспери- ментируют с цветом... Может, это не она?

– Вера, вы знали мою сестру? Видели ее тогда, в 2009 го- ду? Она отдыхала в «Отраде»?

Вера подумала, что если солжет, то Николай узнает это, выяснив это в самой «Отраде». Хотя представить себе, что в небольшом провинциальном доме отдыха существует архив со списками отдыхающих, очень сложно. Зато, пронес- лось в ее голове, наверняка всплывет убийство гражданки

Вороновой Натальи. Николай наверняка разыщет следователя, который вел это дело, и увидит фотографии погибшей девушки.

– А фамилию ее знаете? – спросила она.

– Конечно. Суворова. Но она могла ее поменять, выйдя замуж к примеру. Или просто взять другую, как это делают некоторые детдомовские, чтобы изменить судьбу.

Вера подумала, что она до последнего дня не знала фамилии всех тех, с кем общалась в «Отраде», за исключением убитой Наташи. И если бы не ее смерть, Вера так и не узнала бы, что она Воронова. Да она и не помнила, кто вообще озвучил ее фамилию? Все говорили просто – «Наташу убили», «кто убил Наташу?». Тогда откуда она сама знает, что ее фамилия была Воронова? А что, если она ошибается и ее фамилия была Суворова? Или же тот, кто первый в ее присутствии озвучил фамилию убитой, сам ошибся и вместо «Суворова» сказал «Воронова»? Фамилии вроде похожи. Вот если бы девушки, общаясь между собой, с самого начала называли друг друга по фамилиям, к примеру, «ты видела нашу Воронову?» или «Воронова снова с Вадимом...», тогда Вера сейчас, в разговоре с Николаем, и не сомневалась бы, Воронова или Суворова.

– Там произошло кое-что... – наконец произнесла она. – Но я не уверена, что речь идет именно о вашей сестре.

4. Январь 2009 г.

Отец так и не рассказал им с Сашкой, почему они с матерью развелись и где та вообще. Судя по тому, что в семье было запрещено задавать вопросы на эту тему, сестры понимали – мать сильно обидела отца, причинила ему такую боль, что ни о каком прощении не может быть и речи. Мама исчезла, когда Верочке было десять лет, а Сашке – восемь. Просто однажды они проснулись, а мамы нет, в доме один отец, он сам сварил им какао и приготовил бутерброды с сыром. На вопрос, где мама, папа ответил, что она уехала. Признался честно, что они поссорились и она выбрала *другую жизнь*.

Сашка заплакала. Она тогда подумала, что мама умерла, а отец просто не хотел их травмировать. Это когда она уже повзрослеет, ей в голову придет невозможная, прямо-таки крамольная мысль, что отец убил маму. За измену. Кто-то из взрослых ляпнул тогда, что мама сбежала с другим мужчиной и теперь живет в Канаде. Но если бы она была жива и проживала хоть в Австралии, разве она не написала бы своим дочкам? Не позвонила бы? Не приехала навестить?

– Ты дура, Сашка, как ты могла подумать такое о папе? Чтобы он убил маму? Детективов насмотрелась или начиталась? Тебе повсюду убийства мерещатся! Да ты только посмотри на нашего отца, разве так ведут себя убийцы? Он бодрый, веселый, много работает, нас обожает... Да если бы он

взял на себя такой груз, разве так себя вел бы? Да если бы... о чем даже язык не поворачивается сказать... чувство вины съело бы его, он сгорел бы...

Вера же как-то рано поняла, что мама просто бросила их, нашла другого мужчину, вышла за него замуж и теперь у нее новая семья. И эта ее уверенность пошатнулась лишь тогда, когда отец погиб, а мама на похороны так и не приехала. Хотя сестры ждали и в каждой незнакомой женщине в толпе провожающих искали мать. Предполагали, что с годами она изменилась, может, поправилась, или вообще постарела, или же, наоборот, помолодела от своей другой, счастливой жизни, сменила прическу, цвет волос, и теперь ее трудно будет узнать. Но после поминок все разошлись, и никого не осталось – мать не приехала.

Лишь после смерти отца Вера с Сашей позволили себе войти в его кабинет и погрузиться в кипу документов, среди которых был конверт с мамиными фотографиями. Значит, не все порвал, уничтожил, кое-что оставил. Повзрослевшие сестры, разглядывая уже другими глазами снимки, сделали вывод, что обе они похожи на мать – высокую стройную блондинку с длинными ногами, настоящую красавицу. А от отца, невысокого плотного мужчины с густыми черными волосами, им, по-видимому, ничего не досталось. Разве что мозги. К такому выводу пришла, конечно же, Сашка.

В декабре 2009 года семья готовилась к Новому году. Дом-

работница Катя за несколько дней до праздника отправилась в их загородный дом, чтобы прогреть его и прибраться. Отец позвал друзей, Вера с Сашей пригласили своих подружек, праздник прошел весело, шумно, даже громко, если учесть, сколько было фейерверков, петард, пальбы... Небо над головами вспыхивало цветными шарами и облаками, взрывалось салютом, все были радостные, много смеялись, шутили. И так было до тех пор, пока отцу не позвонили. Уже под утро. Он, как показалось Вере, мгновенно протрезвел, побледнел, почти ничего не говорил, только слушал. Потом подошел к Вере и сказал, что им с сестрой надо немедленно покинуть город.

– Тебя отвезут в «Отраду», а Сашу – к одной моей знакомой на дачу, там вас никто не будет искать.

– Па, это по работе?

– Типа того, – ответил отец.

Никто из гостей, конечно, ни о чем не догадывался. Человек пятнадцать завалились спать в доме, Катя только успевала стелить постели, а для тех, кому не досталось места на диванах и кроватях, раскладывала матрасы прямо на полу, уносила грязную посуду на кухню...

Все было испорчено, отравлено этим звонком. Отцу кто-то угрожал. И он, далеко не трус, к тому же человек, умеющий улаживать конфликты и договариваться, все же решил не рисковать и спрятать своих дочерей куда подальше.

Все было сделано быстро, и вот первого января с самого

утра сестры, обнявшись, разъехались в разные стороны, туда, где, по мнению отца, им было безопасно. Примерно через две недели эта самая опасность, сути которой они так и не узнали, миновала, и отец сам привез дочерей домой.

Но первые дни, проведенные в затерянном в лесах скромном доме отдыха «Отрада», что на правом берегу Волги, были для Веры тревожными. Отец звонил ей каждый день с какого-то незнакомого номера, и, лишь услышав его голос, она успокаивалась. Примерно дня через три он позвонил ей и сказал, что все вроде бы «устаканилось», успокоил ее. И голос его при этом был таким бодрым и уверенным и полным любви к ней, что Верочка и в самом деле успокоилась. Даже ужин в столовой «Отрады» показался ей особенно вкусным, несмотря на то что подавали обычную картошку с котлетой. И вообще, весь этот закрытый со всех сторон лесом маленький городок, разрезанный освещаемыми вечерами желтым светом уличных фонарей дорожками и состоящий из старых, облупившейся штукатуркой корпусов с теплыми коридорами и протертыми коврами дорожками малинового цвета, комнатами с деревянными удобными кроватями с мягкими подушками и жестким белым, проштампованным фиолетовыми печатями постельным бельем, показался ей самым безопасным и уютным местом на земле. Она наконец-то смогла рассмотреть свою соседку по комнате – простоватую и похожую на сдобную булку Надю, любительницу задавать самые идиотские вопросы («у тебя сколько мужиков было, больше

пятидесяти?») и всегда невпопад ляпающую глупые, просто чудовищные комментарии типа «знаю, что повара здесь воруют, я бы тоже воровала, особенно масло, люблю его!» или «видела, какие у девки этой черные круги под глазами, прямо как у покойницы, умрет скоро...».

Вроде внешне такая деревенская простушка с русой косой и большими голубыми глазами, добрая и ласковая, но на самом деле мутноватая, завистливая, какая-то беспокойная, зыркающая по сторонам, как голодная кошка, готовая броситься и отобрать кусок или укусить тебя. Хотя, может, Вере все это казалось, просто прежде ей никогда не приходилось встречаться с таким типом людей. Надя, как и остальные девушки, с которыми она позже познакомилась, была воспитателем детсада – все они были поощрены руководством за их нелегкий педагогический труд дешевыми или даже бесплатными путевками в пустующую этой зимой «Отраду».

В соседней комнате проживали еще две девушки – Татьяна и Наташа. Татьяна – яркая породистая блондинка с льняными пышными кудрями, розовыми щеками и янтарными глазами. Губки ее, сложенные в бутон, всегда блестели розовой жирной помадой. Вот от нее исходило какое-то тепло, с ней было приятно поговорить, погулять, послушать ее масляный нежный голосок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.